

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕБ-СТРАНИЦА

ЗЫБИНКА

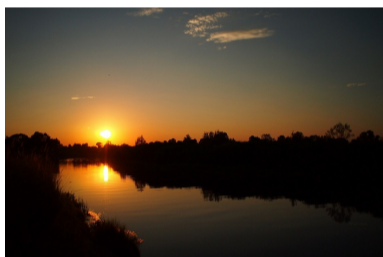

Выпуск №30
01.09.2024 г.

Надежда
КОЖЕВНИКОВА

ВСЁ ПРОЙДЕТ

Как не заметен сердца стук,
Так не заметен лет полёт.
Однажды понимаешь вдруг,
Что всё проходит, всё пройдёт.
Как однодневка-мотылёк,
Вершим стремительный полёт.
Только ему-то невдомёк,
Что всё проходит, всё пройдёт.

ЗАКАТ НАД РЕКОЙ

Фото **Николая ТЕСЛИНА**

Наталья
МУТАЛИБОВА

* * *

Вся наша жизнь от года к году
Как та капризная погода —
То светом солнечным полна,
А то дождем напоена.
Но все проходит, и в природе —
Мы рады всякой непогоде.
Лишь потому, что за дождем
Тепла мы с нетерпением ждем.

Александр
МЕЛЬНИКОВ

* * *

Все, что было — не забылось,
Только быстро так прошло,
Поначалу долго длилось,
И внезапно — вот и всё.
Ранней осени приметы,
Собирались, не таясь,
Причитанья: — «Лето, где ты?
Почему меняешь масть?»
Городские переулки,
Там, где мало фонарей,
Звук шагов моей прогулки,
Рассылают побыстрей.
Молчалив старинный город
И не любит громких сцен,
Кроме тех, где люди спорят:
Есть ли что-нибудь взамен?

Константин ПОПОВ МАРЬЯ

руки и они вместе заходили в дом.

Мать постепенно свыклась с новой жилищей. На её руках было ещё целое хозяйство: коза, куры, поросёнок, поэтому на кошку она смотрела как на бесполезный довесок.

— Мам, — говорил Алёша, — она же всех мышей в хате извела, и в сарае их поубавилось.

— Ладно, ладно — ворчала мать, — слава Богу, что хоть налог с неё не берут.

Жила она к тому времени уже только с сыном, дочь давно вышла замуж и переехала из родительского дома. Одна поставившая его на ноги после ареста неизвестно за что в тридцать седьмом своего мужа, красильщика с кожевенного завода, в душе она слегка ревновала Марью к Алёше, но вида не подавала, и всегда после дойки козы наполняла кошачью миску свежим молоком. Не зная ни одной буквы, она всеми силами поддерживала тягу Алёши к знаниям. «Учителем будешь», — предсказывала мать всегда корпевшему над книгами ещё в школе сыну.

А через год, едва получив диплом, так и не познав учительского хлеба, ушёл Алексей на войну. После курсов младших лейтенантов направили его на фронт. Больше мать его не увидела. И стала Марья ещё одним напоминанием о её сыне. Пережила Марья с хозяйкой оккупацию. Та хорошо помнила, как в морозную стужу суровой зимы первого года войны топили грубку и печь немецкий солдаты, стоящие у неё на постое и чуть не устроили поджог, бросая дрова, словно в топку паровоза.

— Спалите хату, беси, — голосила она.

Убеждения и словарный запас не действовали. Тогда, чтобы сохранить источник тепла, она стала втихую прикрывать трубу, как только новая охапка дров ложилась рядом с дверцей. Дым, заполнявший дом, отрезвлял немцев, они что-то обсуждали между собой, но понять причину непроходимости трубы не смогли. Однако с тех пор топить стали не так рьяно.

Марья, еще молодая и неопытная, забивалась в дальний угол и смотрела, как суетились солдаты, что-то говорили друг другу. Кошку они не трогали. Даже иногда брали на руки и гладили. Подкармливали тушенкой. Но всё равно чужих и незнакомых для неё людей она боялась и старалась избегать.

В войну всю дворовую живность немцы извели. Осталась одна кошка. В сорок пятом пришла похоронка на сына, артиллерийского капитана, командира батареи. Алексей прошёл почти всю войну, а в самом конце погиб. Совсем немного не дотянул.

Позже мать с дочерью съездили на его могилу. После этого сразу постарела, согнулась, поседела, стала подступать глухота. Скотину старуха уже не держала. Остался только сад, посаженный когда-то её мужем, так и сгинувшим в сибирском лагере. Теперь раз в месяц ходила она в банк, чтобы получить небольшую пенсию за погибшего сына, чем и жила.

Осенью, когда созрел урожай, приезжала дочь с зятем и внуками. Она хорошо помнила, как в голодный тридцать второй яблоки и груши не дали совсем помереть ей с детьми, поэтому как

могла берегла деревья. Переехать к дочери наотрез отказалась.

— Как же я брошу свою хату, где всю жизнь прожила, — говорила она. — И куда Марью дену? Нам здесь вместе и помирать.

По большим праздникам, услышав раздающийся над городом колокольный звон, ходила старуха в свою церковь, где когда-то венчалась. Доставала из сундука старинный, расшитый узорами сарафан, надевала новую кичку, повязывала голову платком, накидывала зипун и потихоньку шла помолиться со всеми Богу, пообщаться со сверстницами, такими же вдовами, как она, поставить свечи за упокой умерших да за здоровье живущих.

Марья всегда чувствовала, когда старуха уходила. Она не боялась оставаться одной в доме: двор и окрестности уже не так, как раньше соблазняли её на кошачьи походы. Теперь большую часть своего времени проводила возле хозяйки. Тем более котят она больше не рожала. Да и тех, что появлялись у неё, она никогда не видела. Старуха забирала их почти сразу, а куда их девала, Марья не знала.

— Ну вот, Марьюшка, и я пришла. Слава Богу, помолилась, — говорила возвращаясь со Всеночной старуха. Ей не было с кем делиться, кроме кошки, своими нехитрыми мыслями.

Марья также, как когда-то и к её сыну, бежала навстречу. Она знала, что старуха плохо слышит, поэтому всегда громко приветствовала её на своём кошачьем языке. Обе одинокие, они тянулись друг к другу и чувствовали взаимную необходимость в этом общении.

Зимой поутру старуха топила печь, готовила еду, кормила кошку и ела сама, молилась, как обычно долго, затем разговаривала с Марьей, вспоминая свое прошлое, рано спившего Алёшу. Вечером, если было холодно, горели дрова уже в грубке, снова молилась при свечах, сидела рядом с кошкой. Сын в военной форме смотрел на неё со стены и она снова бередила душу воспоминаниями.

Так и проходили их дни.

Околела Марья под Пасху. Её кошачий век подошёл к концу. Старуха всплакнула, хотела поставить свечку, да одумалась, только перекрестилась. Вынесла кошку в сад и закопала под старой грушей, там же, где когда-то и новорожденных котят. Воткнула в это место веточку, чтобы запомнить, и, тяжело ступая больными ногами, вернулась домой.

А через неделю занемогла и сама. Не увидев её в церкви, позвонили дочери, через день та приехала. Но старуха уже совсем слегла. Сказала только где спрятана давно приготовленная к успокоению одежда. Смерть она приняла тихо и спокойно.

Отпели её, когда на дворе весна уже вступила в свои права. Плодовые деревья в том году сразу так и не зацвели, кроме одной груши. Её буйная кипень одинокой белой свечой горела на фоне только начавшего зеленеть сада и, казалось, предвещала начало новой жизни.

Страницу подготовил
Константин Попов